

ГЕОРГИЙ ЧУДИНОВ

**МЫСЛИ
НА
СЛ**

СЕБОР

Георгий Чудинов
Мысли и Пыли Сбор

«Автор»

2025

Чудинов Г.

Мысли и Пыли Сбор / Г. Чудинов — «Автор», 2025

«Мысли и Пыли Сбор» — это коллекция кратких рассказов, эссе и зарисовок, бережно фиксирующих широкий спектр актуальных проблем современности: одиночества, бытия, поиска идентичности, взаимоотношения двух полов, творчества и преодоления кризисов. А благодаря ёмкому и точному языку из метафор и ассоциативных образов, читателю легко вступить в доверительный диалог с автором. Что создаёт связь, подобную родственной. Каракули жизни, запечатлённые в буквах любви к ней. Упорной любви и стараниях понять эту самую жизнь.

© Чудинов Г., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие	5
Глава первая: О том, о сём.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Георгий Чудинов

Мысли и Пыли Сбор

Это мысли и пыли сбор.

Мыс, который окружает спотыкающееся об него общество.

Пыл, в который лезут палкой и подкидывают дров.

Сбор, схожий по составу с тем, что писалось до того, как книжка стала частью экрана телефона. Мыс – часть суши, выдающаяся острым углом в море, озеро. Пыл – 1) сильный жар от огня; 2) душевный подъём, горячность.

Предисловие

Когда веришь, ждёшь.

А кто умеет ждать, дожждётся.

Приветствую тебя, читатель.

Это мысли и пыли сбор. Всё, что в нём находится, лежало долго и ждало. Или я лежал долго и ждал, когда же меня попросят отправлять это в мир. Дождался...

Просят, и я уж не знаю, чего они просили, но, видимо, они это здесь получают.

Редактор сделал всё, запятая, что смог.

Осталось вам.

Осилить – это громко сказано для такой вещи. Начнём хотя бы с того, чтобы принять это всё. Ну и дальше как аппетит у вас разгуляется.

Будут короткие вещицы, вещи средней комплекции и то, что называется вещь. Их тоже будет немало.

Очередность не важна. Скорость прочтения я бы где-то убавил чуть-чуть. Ну-с-с... Думаю, можно. Начнём...

Глава первая: О том, о сём.

"О любви к дельфинам."

Мы слишком любим своё положение.

Всем хочется слушать, как нам охренически невыносимо и как нам при этом прекрасно живётся. Но годы берут своё, и я не о себе. Я о всех. В целом, пока ещё, мире. Динозавров грохнуло. Наша очередь продвинулась. Но там дельфины сзади уже плавниками просят побыстрее. Я им так, по-товарищески.

1000 лет. Минимум.

Почти факт. Почему? Потому что может и меньше.

Ну, предположим, больше.

Если так, то тысяча лет минимум. Потому что что мы сделали, открыв нашу первую тысячу?

Окрестили Крестом!

Я же говорю, тысяча лет. Даже максимум. Как открыли, так и закроем нашу эру. Крестом. У одних почти получилось. Почему почти? Потому что нехрен.

Да и какой нашей эры? Людям всегда нравится ставить везде слово "наше". Луна "наша". Солнце "наше". Земля давно. Всё вокруг нас, и все вертятся. Только звери об этом не знают. Вернее, знают, но ждут. Не говорят, потому что бесполезно. До этого явно было лучше. Кто, не люди или люди были там, но Иисус, по крайней мере, был жив. Получается, что он не наш, он оттуда. И там он был жив. Ну конечно опять же, как он жил там... Ну хотя бы не так, как он кончил. У нас... Здесь...

И вот выпили для смелости, закусили. Окропили всех с горы. Понеслась НАША эра.

Первая тысяча.

Волнительно. Непонятно.

Ясно только то, что больше Христа мы так не сможем. Да и зачем, когда вокруг ещё много кого вешать, сжигать, потому что они говорят как он, его словами, такие красивые, рыжие, белые с зелёными глазами. И вообще, как он, говорят только в церкви. Но церковей он не ставил. Так вот, второго раза с ним не случится, ну а с остальными почему бы и нет...

Хотя бы за то, что они согласятся. Но никто их не спрашивал. Были и умы, и любовь. Большие подвиги и прорывы в области медицины, путём опять же кровоизлияния. Ну не отошли ещё от Христа. Рабство манило к себе.

Ну, итак, вот где-то тысяча лет. Волнительно и непонятно. Но с согласиём.

Вторая тысяча.

Уже ничего особенного. У обычных людей. А у богемы и царей... Всё, что Иисус говорил не делать, делают и преуспевают. Ну а чё, его уж нет. Тысяча лет прошло. Зудел, зудел чё-то. Не надо, не надо. Веси, где ты там. Мы тут, нам тебя не слышно. Ты в земле. Или в небе. Хрен ты пойми. И вот так они там. А у этих, обычных, новшество. Поэзия, литература. О том, как

они смотрят на тех, кто не у них. И о том, как они становятся теми, о ком писали, и о том, как не хотели быть, но стали и куда деваться.

Ну там по-разному ещё.

Потом радио, телевидение. Интернет. Всё то же самое, что и две тысячи лет назад, только ещё и наглядно и с хорошим звуком. И кто-то, может, и не согласится. Прогресс.

Пошла третья.

События страшные, грандиозные, любопытные.

Без мата никак.

Ну, шо могу сказать. С децибелом орать только остаётся.

Ну и кто мне скажет, что мы протянем дольше?

Тысяча лет. Максимум.

Если же вы хотите, чтоб было минимум, то нам явно нужно оглядеться назад, до нашей эры. И посмотреть, как они там жили так долго без пеницилина и удобств туалета. Потому что, если дело в голове, то это всё-таки, кто бы ни ворчал, поправимо. Но станут ли меня слушать, если потом повесят и скажут: "Наша эра настала, он не прав!" Потом: "Что был прав!" И вот их последняя тысяча пошла. Всё же дело в голове.

Если у вас сложилось мнение, что я не люблю людей. То вы правы. Больше я, конечно, люблю собак. И дельфинов...

Вам бы всем тоже полюбить дельфинов.

"Лучшие из нас."

Распространённое мнение есть, что спиваются обычно самые лучшие из нас. Иногда это так. А иногда самые лучшие из нас не видят другого выхода. Они не могут терпеть ничего, что проходит через них. Ведь вы ни черта не знаете. Вы думаете и рассуждаете, не зная их и не узнав у них, что с ними и что пошло не так. Казалось бы, очевидно, что ему хорошо. Он такой весёлый, такой позитивный, смеётся. Всё не так. Всё ширма. Ширма больного ума и сердца. Они не хотят убивать этим других. Потому что добры к ним. Но и доброта до поры проходит к людям. Никогда не верьте никому. Достаточно людей в мире, чтобы убить друг друга. Я потерял мысль. А самые лучшие из нас... Да. Они, безусловно, гении, безусловно, герои, безусловно, лучшие, но один момент в жизни, и все пожалеют о том, что были слепы по отношению к ним. Настоящие пьяницы молчат.

...

Женщины нас не понимают, потому что мы молчим. Начнём говорить, и они поймут не нас, а то, что сентиментальный, чувствительный, переживающий и сильно любящий человек им не нужен. Они сами такие. Нужен сильный, негибачаемый и твёрдый. И нужен любящий. Но не сильно. Но любящий.

И мы молчим. И стоит одному начать говорить, так все мужики тюфяки. А другому начать молчать, так все мужики козлы.

Любить нужно. Но осторожно. А как можно любить осторожно, если само это чувство влетает и поднимает вверх? Осторожно поднимать оно не может.

И вот и остаётся иногда молчать, говорить иногда слова любви, иногда смотреть и иногда быть счастливым.

А мне всегда хочется всё делать там, наверху...

И плевать, как она посмотрит, что скажет. Главное, что видит, понимает и наблюдает труды деятельности.

...

Иногда надо и полезно задавать себе вопрос. Хочешь ли ты так жить? И если в голове пусто. Нет ответа «да» или «нет». Значит, стоит попробовать. Если «да», то немедленно. Если «нет», то пожить в том счастье, что тебе приносит эта секунда, следует. Но иногда задавать себе вопрос нужно.

В жизни всё будет идти наперекосяк. Не будет финишной прямой, будут её очертания и цели по дороге. Сегодня ты нищий, завтра богатый. Послезавтра опять нищий. Единение с собой – это обязательное состояние, которое не позволит тебе сойти с ума. И хорошо, когда рядом будет твой человек. Но на него перекладывать своё «я» нельзя. Вы должны быть собой, а он собой соответственно. И тогда, чтобы вы ни делали, сколько бы ни зарабатывали сейчас, вам будет хорошо.

Не забывайте про себя. Всё начинается в вашей жизни с вас. И только вы ведёте себя вперёд или назад.

Удачи.

...

"Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей..."

Не согласен, Александр Сергеевич.

Как мне любить и делать вид, что люблю меньше, чем на самом деле? Они же, женщины, не глупые. По крайней мере, интуитивные создания. Понимают без слов. По взгляду.

Да и потом, вот любишь ты не сильно. Наполшишечки, так сказать, вольным слогом, а она с ума сходит. И лезит, и лезит. А тебе не надо столько. И любить её от этого больше не стал. А та, другая, которую любишь до полусмерти, вертит тобой. Либо открестилась навсегда, ведь ты такой дурак, что всё открыл сразу и даже не успел сориентироваться. Ну и дурак.

А потом ты ждёшь. От ожидания ничего не происходит. Пишешь. Не отвечает. Пытаешься найти. Нигде нет. Сходишь с ума уже сам. А она живёт дальше и забыла о тебе, идиоте, раскрывшего все карты.

Или, и вот это очень опасно. И от этого не менее интригующе и до мурашек. У неё есть молодой человек. И она принципиальна. Все мужланы идут в жопу. Но ты-то не мужлан. Ты тоже порядочный, вежливый, пошлый там, где надо, сумасшедший и вполне на троечку. Кого же она выберит? Конечно, своего ненаглядного. Почему конечно? Потому что кто ты такой и что ты сделал? Появился там, где нужно? Дал возможность решить проблему непроизошед-

шего в её полусупружеской жизни секса? Всё да, но. Это всё она решит дома, без тебя, и ты вскоре уже не нужен. Но ты терзаешься и всё думаешь, что она образумится. Поймёт, что ты гораздо лучше и больше никто не нужен ей, кроме тебя. Сомнительно. А действие «забыть» ты воспринимаешь как личное оскорбление своей выдуманной привилегии быть рядом с ней. Мудак. Одно слово.

Так что, Александр Сергеевич, в чём-то вы, конечно, правы, но жизнь преподносит нам тяготы куда страшнее и непонятней. А ваша фраза, боюсь, со мной не по пути. Потому что я, если люблю, то люблю всем, чем есть. И уж тут либо примут, либо...

Мудак...

На мой взгляд, Бродский сказал лучше.

"Любовь – это разлука с одиночеством..."

И то, и другое должно быть одновременно. Только любовь или одиночество калечит и убивает всё.

Единство с собой наедине и единство вас двоих вместе должно быть.

...

Запись во время репетиции спектакля "Три сестры" Чехова. Я, будучи в роли Чебутыкина, начитавшись газет и покурив трубку, записал себе в блокнот следующее:

"Честность есть результат потребности в самоуважении, которой многие люди не страдают."

"Враньё есть результат корректности, которой люди себя посвящают."

Посмеялся, пропустил рюмку, пока никто не видит, и, задержав дыхание, вышел к сёстрам.

Скучаю по этому моменту. Даже не по театру или репетиции. А по этому моменту, когдаходишь в сцену и живёшь там, отдыхая от жизни снаружи.

Тут очень важна разница. По моменту.

"Про кино и как его смотреть"

Меня раздражают люди, которые не смотрят фильмы так же, как я. Я не против их существования около экрана, но как-нибудь без меня.

Они садятся только когда фильм начался. Спустя минуту он им безразличен. Они не видят и не хотят видеть. Зачем тогда вы смотрите фильм? Они молчат, отговариваются чем-то, что должно якобы вызвать смех и проникнуться к их сказанному. Но нет. Ни смеха, ни жалости, ни сочувствия у меня к ним в тот момент. Когда они шуршат, разговаривают, сидят в телефоне, когда не понимают, зачем пришли... Это не просто

раздражает. Хочется кинуть в лоб что-нибудь для вопроса в их голове: «Ай! Что это?». Фильм!

И ведь не стыдно им. Быть неучами в том, на что идут, и неучами в собственных желаниях и мыслях.

А потому они не могут сами решить, на что им хочется идти, а на что не хочется. За них обязательно это должен делать кто-то другой.

Никакого уважения к себе... А ведь оно строится от уважения к окружающим. Им об этом не известно... И не говорите им. А то с ума сойдут от мысли, что себя уважать, оказывается, надо и не при личных обстоятельствах тоже.

Нет. Кажется, вы меня не поняли.

Есть разница между человеком, которому наплевать, что он смотрит, пока ест или едет куда-то. И тем, кто делает это вынужденно, потому что времени в обрез и нужно посмотреть всё, что ему так хочется и хотелось. И это разница в уважении к приобретённому или потраченному времени. Но это я могу понять. Это происходит без меня и не касается никого, кроме вас самих.

Но когда вы в кино. В компании друзей, дома перед экраном. Возьмите свои привилегии есть, ходить в туалет, курить, пить и засуньте их себе поглубже. И не доставайте оттуда весь фильм. И может тогда вы проникнетесь увиденным. Может поймёте, что хотел сказать автор и как хорошо играл тот актёр. Но вы этого не сделаете. Вы не засунете в задницу своё высокомерие и невежество. Потому что насмотрелись всякого и не отличаете всякое от стоящей вещи.

Не умеете смотреть кино – не смотрите.

Раньше, когда телевизора не было, люди ходили в кино как в театр. Одевались, наряжались. Старались брать лучшие места. Быть в центре зала, смотреть на весь экран полностью. Любили каждый миг нахождения в месте, заменяющим некоторым из них родителей, отдых, церковь, прогулку или ответ на насущный вопрос. Даже целый разговор, спасающий кого-то от смерти или жизни, которая по какой-то причине не хотела кончаться.

Кино было волшебным словом и остаётся таковым сейчас для таких, как я. Тех, кто действительно любит то, что на экране, и людей, стоящих за ним. Либо обещайте, что прислушаетесь к сформулированному. Либо забудьте про кино.

Для вас придумали телевизор.

...

Ложь. Мы так много лжём, что забыли не лгать себе. От правды нас воротит. Мы боимся её. Бежим от неё, как от чумы. Ибо мы знаем, что правда опасна. Но ведь ложь тоже опасна. Да, но лгать легче. Груз на совести накапливается, а не плюхается сразу кучкой. Оттого и не думая лжём. От правды, кажется, в сердце поезд въедет, но позже только умиротворение и свобода. Жалеть нельзя.

Можно не говорить ни правду, ни ложь. И всю жизнь ждать случая и жалеть о несказанном или не сделанном. Лучше выбор между правдой и враньём.

Легче выбор, может быть, только между жалеть и не жалеть. Но легче не значит правильной. Главное, не врите себе о том, кто вы, и живите по-своему, не думая за других, о том, что вы сделали не так сегодня.

Осознайте себя смертным и знайте, зачем жить. Любите себя. Пробуйте и не останавливайтесь. Трудитесь на благо своей семьи и себя, общество справится. Большинству плевать на то, как вы ходите и что говорите. А меньшинству дайте знать, что вы с ними. Одиночество до конца жизни и от её начала не скучно, но ужасно уныло и скоропостижно. Поэтому тратить свою жизнь не на то, что вам нужно на самом деле, предательство. Вы каждый день предаёте себя, занимаясь не тем, что любите. И в конце скажу.

Прежде чем писать или говорить нравоучения, начните с себя. Всё.

...

Никакой твой мужественный поступок не оправдывает недоверие к родителям и их недоверие к тебе. Сколько бы ты не обещал себе, что не заплачешь снова, не выдержишь. Ты не обязан быть мужественным в эту секунду. Не обязан думать о тех, кто смотрит. Пусть мечтают о чём угодно. И не думай о тех, у кого может быть хуже. О них подумают другие. И вместо того, чтобы заканчивать очередное нравоучение словами: «Всё хорошо, я иду дальше», скажи себе, куда ты идёшь.

Зачем, ты знаешь. Каждый знает. Ты умалчивал от родителей свои секреты сначала потому, что боялся их. Их взгляда, крика, тона, слов. А когда перестал бояться, не говорил им всё как есть, потому что не хотел расстроить их. Затем не хотел обременять. И в итоге боялся себя, расстраивал себя, обременял себя. А расплачивались они, когда узнавали сами. И не от тебя. И вот впервые ты рассказал им всё, потому что начал им доверять. Потому что любишь их. Они твоя семья. И у тебя снова мокрые глаза и красный нос. Теперь ты ничего не прячешь от них. А почему? Потому что тебе надоело притворяться кем-то другим для них. Потому что истинный ты вырывался всё сильнее и сильнее, каждый раз. Они думают, что сделали что-то не так. Где-то упустили кого-то. И так у всех, а у кого-то даже хуже. Но неважно, что у других, говорит и говорил всегда мне мой Отец. А я скажу, важно. Потому что только в сравнении иногда можно увидеть, что всё хорошо. И решать спокойно, и идти дальше. Но почему всё не может быть хорошо без этого? Я их не понимаю. То есть понимаю, но не во всём. Я не знаю, что они хотят от меня. Или знаю, но делать этого не хочу. А сказать им об этом язык не поворачивается. Ведь раньше ты был сцеплен пуповиной, а сейчас общими проблемами. Хочу ли я своего ребёнка, зная, каким был я и какой сейчас? Но верно, нет.

Но я могу всё исправить, могу. Ведь надежда умирает последней. Да вот только недолго осталось до этого последнего. Не знаю, зачем я это записывал, кому, для чего. Но верно мне просто важно поговорить с кем-то. Даже если этот кто-то я.

"Дверь в поликлинику."

Стою в поликлинике. Вижу дверь, в которую предположительно отправляют тех, кому говорят: «К психиатру туда!». Читаю справа налево жирные буквы на двери: «Психиатра». Букву «А» в слове «врача» не прочитал и подумал: «Сложная же работа у психиатра, раз у него врач есть».

Дверь открылась, и по глазам женщины в халате я удостоверился, что сложная. «Бедные врачи психиатров»: подумал я. «Им ещё хуже, чем самим психиатрам»: И продвинулся в очереди в регистратуру.

Пока смотришь по сторонам, находишь удивительные типажи и привычки людей нестандартных, скажем так. Представил, что это не просто клиника, а психиатрия, и всё встало на свои места. Медперсонал спокойный и смотрит в пол глазами, а не вокруг. Психи туда-сюда бегают. Некоторые пучат глаза и ищут ответ, не задавая вопроса. Большелобые мужчины потеврявшиеся ходят взад-вперёд и что-то бормочут. А я как будто новый доктор, что пришёл устраиваться на работу. Или я себе это всё придумал.

Между тем. Пока я стоял в очереди, к психиатру отправляли всё новые и новые лица. Казалось, что каждого, неважно при этом, с каким вопросом тот подходил, отправляли к нему. Девушку, косолапого мужика, человека, говорящего как робот, со странной стрижкой в очках. И тут же в моём окошке появилась женщина и сказала мне: «Здравствуйте, наркология. Чем могу помочь?»

Тут я сразу понял, кто псих, а кто психиатр.

Вспомнил все странные взгляды и т. д., и т. п. И уже не поймёшь, что они высматривали. Мою принадлежность к этому месту или здоровый вид и как бы говорили: «Чего забыл?».

Ушёл, стараясь не оглядываться.

Да уж, наркология, здравствуйте.

Выходя из ворот, мимо прошла пожилая женщина и посмотрела, мол: «Какой молодой, красивый... Зачем...»

«Бль...»: Сказал про себя. «Ещё и запомнят».

"Об одном и том же..."

Мне надоело писать об одном и том же, теми же словами.

Надоело.

Описания превращаются из самобытности в общее ощущение от происходящего вокруг.

Созерцать это невозможно, так как перестало быть актуальным не для меняющейся моды, а внутри самого меня.

Предвкушение стало предвиденьем. И после того, как сказанное, подобно гаданию, становится явью, теряет вкус. И не волнует уже так всех вокруг. А фраза «история не делает работу над ошибками» утрачивает смысл и даёт понимание ситуации в следующем свете: а зачем на историю взваливать такую ответственность, если несут её те, кто историю создают?

Вот и конечный итог раздумий о человечестве как о венце природы. Обыденность и отречение от изменений в лучшую сторону и есть худший порок нашей цивилизации. Слишком цивилизованными мы стали в вопросах природы и слишком дикими в ответах социума.

Надоедает человеку быть человеком. Монстром стать гораздо проще. А чем-то лучше человека – сложнее и трудозатратней. Вот и повылазили все те, кто жил в тени и пил кровь, считая себя выше.

И как мне не писать об одном и том же, теми же словами?

"Отцу."

Отцу, графоманство, кое он недолюбливает, но существует в нём, как рыба в воде. Коей, по гороскопу, ненавидимым мной, и является. Двоеточие:

И сидел он, как сыч. Спокойствием наполненный и уличённый женой в чём-то ему непонятном. И по его физиономии было ясно, что услышенное из уст, направленных в его сторону, по мнению сыча, являлось необычайным бредом, что моей Мамá, кому уста и принадлежали, чрезвычайно не нравилось и вводило её в недоумение лёгкой степени. Он старался делать невозмутимый вид и думать про себя, что его «невозмутимое» лицо ничто не взбодоражит.

«Коты не растут на деревьях».

Однажды я понял, что взрослою. С тех пор поменялись две вещи. Первая: лужи больше не появлялись, а смывались в канализацию. И вторая: Деда Мороза не существует. Но одна вещь не поменялась. Мне безумно хотелось узнать тайну моего детства: как на деревьях вырастают коты и почему их нужно немедленно срывать? А самое главное: почему их срывают, если сами коты этого не хотят? Они же выросли на дереве. Это их дом. Дерево – их мать. А их отрывают от семьи и засовывают в приюты, кото-кафе и по домам наглых воров, лжесадовников. Которые даже не могут толком объяснить маленькому мальчику, как они там появляются.

Коты и деревья – не все тайны, которые пылливый детский ум пытался разгадать. Ещё одной подобной тайной являлся дед мороз. Вернее, его подход к делу. Почему, когда подарки дарят мне, он передаёт их сначала моему папе, а он потом кладёт их под мою ёлку. Скрытный мужик этот Дед Мороз. Не доверяю я ему. Снегурочка в этом плане поделикатней. Вежливая. Не решается каждый раз предложить свою помощь и принести за папу подарки для меня. Но, видимо, отец когда-то разобрал с ней этот вопрос и по-мужски решил делать это сам. Наверно, это было в тот Новый Год, когда пришла только снегурочка, и они смеялись, громко что-то обсуждали, и им явно нравилось их общение. В этой ситуации Дед Мороз опять выглядит не очень. Отправил девушку одну в чужой дом. С подарками. А если ей тяжело? Хорошо, что мой папа – джентльмен и может помочь, а если был кто-то другой? Доверия к Морозу нет и по сей день.

И всё же. Коты не растут на деревьях, говорили мне они. Те, кто доказывали, что Дед Мороз – хороший мужик.

Но как и зачем они туда попадают и не хотят слезать? Может, они всё-таки растут на деревьях и потом, вспоминая свои корни, лезут на них и хотят побыть в ощущении детства? Кто знает... Повсюду заговоры. Один Дед Мороз чего стоит...

И вот однажды я увидел, как кот просто залез на дерево. И я понял, что, скорее всего, прав и это детский инстинкт. Но потом, спустя какое-то время, кошка наших соседей родила котят. В моё детское покрывало. Почти рядом, при живом мне. И я понял окончательно. Коты не растут на деревьях.

...

Мне все постоянно говорят про мои манеры и поведение. Всегда, когда я говорю об их уважении, понимании, правдивости. Потом мне обычно говорят про мою вежливость. Когда им не хочется идти туда, куда я их посылаю. Затем они упрекают меня в том, что я нелюдим и

зверю, когда в мою сторону говорят чье-то мнение, и что Джентльмен так себя не ведёт. После чего я добавляю и ухожу: Джентльмен не обязан кому попало массировать анус серебряной ложечкой.

...

Артисту не нужна муза. Постарайтесь понять меня правильно. Ему нужна душа. Душа для души. Муза – проходящее и уходящее. А душу не выгнать и не втоптать. Она может быть музой, а вот в музе души может и не быть.

...

Меня спрашивают: почему я такой наглый и ни с кем не считаюсь? И, не боясь, говорю то, что думаю. А перед кем мне считаться? Кем вы себя возомнили?

Мои любимые всем сердцем Жванецкий, Табаков ушли. Вы думаете, я к вам при них лучше относился? Вам до них, как до моего расположения. Жить и жить. Я молод возрастом, но не мыслями. И когда вижу ребячество, учу немедленно. Даже если этому пустоголовому шестьдесят лет. Вы мне не мама с папой, чтоб я прислушивался, но всё равно делал по-своему. Я вам скажу то, что им говорю без мата и с любовью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.